

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013-2023

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (124) Том 14 - Советская античность | Историк и текст. 2023

«Ахеменидский мир»: историографический конструкт и имперская идеология Ахеменидов

Рунг Эдуард Валерьевич

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, Казань*

Аннотация

В статье рассматривается историографический конструкт «Ахеменидского мира», обозначаемого современными исследователями как *Rex Achaemenica* (альтернативное обозначение — *Rex Achaemenidica*) и *Rex Persica* (альтернативное обозначение — *Rex Persiana*) по аналогии с *Rex Romana* и *Rex Augusta*. Посредством рассмотрения исследовательских концепций, делается вывод, что между концептами *Rex Achaemenica* и *Rex Persica* есть нечто общее, это идея о том, что Персидская империя основывалась на сотрудничестве персов с покоренными народами, однако, расхождения между исследователями вызывают вопрос о том, как сами персы видели отношения с другими народами, а также, какое воздействие персидское завоевание оказало на видение покоренными народами своих взаимоотношений с персами как завоевателями. В статье также рассматривается идеология мирового господства Ахеменидов на примерах восприятия ими «имперского политического пространства» при Кире Великом и Дарии I. Заключительные части статьи посвящены исследованию концепта «мира» в идеологии Ахеменидов. Примечательно, что Кир Великий следовал восприятию мира в Месопотамии, согласно которому мир устанавливался завоевателями после своих военных побед. Однако, уже Дарий I воспринимал мир как следствие поддержания политической стабильности в Ахеменидской империи в рамках своей идеи установления счастья и процветания для всех многочисленных подданных.

Ключевые слова: «Ахеменидский мир», Персия, империя, идеология, мир

Дата публикации: 15.03.2023

Источник финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00374, реализуемого на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Ссылка для цитирования:

Рунг Э. В. «Ахеменидский мир»: историографический конструкт и имперская идеология Ахеменидов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 2 (124).

URL: <https://history.jes.su/s207987840024495-3-1/>. DOI:

10.18254/S207987840024495-3

1

«Ахеменидский мир» как историографический конструкт

В 1962 г. Р. Фрай, очевидно, стал первым, кто ввел определение *Rex Achaemenica*, под которым он имел ввиду сотрудничество персов с покоренными народами, берущее начало с Кира Великого¹. В дальнейшем это определение найдет свое применение в работах некоторых исследователей. В частности, К. Таплин считал выражение *Rex Achaemenica*, конечно, искусственным конструктом, но тем не менее употребляет его для характеристики «истинно военного общества», какой, по его мнению, и была Персидская империя².

² Й. Визехефер, однако, употребляет словосочетание *Rex Achaemenidica*, полагая, что оно означает богом данное и универсальное состояние мира, которое было гарантировано царем и было желанием его подданных. По его мнению, царский *Rex Achaemenidica* не только обеспечивал мир и порядок и вознаграждал верных подданных, но также угрожал наказанием восставшим. Й. Визехефер отмечает, что *Rex Achaemenidica* во все времена зависел от «пряника и кнута» (*carrot and stick*), — гарантии благополучия (*well-being*) и «мертвой тишины» после подавления восстания (*“graveyard peace” following the squashing of revolt*)³. Таким образом, Й. Визехефер справедливо акцентирует внимание не только на преимуществах «ахеменидского мира» для царя и его подданных, но и на негативные его последствия. Однако не все исследователи следуют такому подходу, признавая амбивалентный характер «мира».

³ Альтернативное определение — *Rex Persica*, употреблялось П. Брианом⁴, М. Брозиус⁵, Р. Стоунманом⁶, Дж. Хайлендом⁷, Дж. Силверманом⁸ и другими. Однако впервые в виде *Rex Persiana* оно было предложено М. Рут в 1979 г. при изучении репрезентации идеологии царской власти в ахеменидском искусстве. По мнению исследовательницы, *Rex Persiana* представляет собой имперский космос, «гармоничное экуменическое взаимодействие подчиненных народов в совместной похвале и поддержке царя царей», «где четыре стороны света поют стройные хвалы могуществу царя, что-то беспрецедентное в древнем мире»⁹. Хотя одни авторы (П. Бриан, Р. Стоунман, Дж. Хайленд) просто использовали это

определение в своих работах, другие (М. Брозиус, Дж. Сильверман) давали ему концептуальное объяснение.

4 По мнению М. Брозиус, идеология *Rax Persica* подчеркивала включение подвластных народов в персидскую имперскую организацию. При этом, как считают, отдельные народы были частью целого, которые вместе поддерживали царя. В свою очередь, как результат этой поддержки царь гарантировал мир в империи, то есть стабильность ее народов. Средством достижения взаимодействия подвластных народов, по ее мнению, было уважение их культурной, религиозной и этнической идентичности. Брозиус выдвинула два главных тезиса, которые могут характеризовать концепцию *Rax Persica*. Во-первых, она полагает, что не было различия между коренными землями и периферийными, и, во-вторых, идея *Rax Persica* не могла работать при строгом отделении между персидским правящим классом и подвластными народами (она требовала интеграцию местной элиты в политический аппарат в качестве местных чиновников и администраторов)¹⁰. Действительно, эти два тезиса, выдвинутые М. Брозиус для определения идеологии *Rax Persica*, требуют более внимательного рассмотрения. И если политическая практика показывает, что представители неперсидских народов были включены во властные структуры (особенно на локальном уровне), однако, идеологически существовало ясное различие между Персией / персами и остальными странами / народами в Ахеменидской империи. По справедливому мнению П. Бриана, царские надписи — это свидетельства выдающегося и привилегированного положения собственно Персии¹¹. Поэтому имперская идеология Ахеменидов, во-первых, основывалась на идее подчинения персами всех остальных народов, что, несомненно, находило отражение как в самих древнеперсидских текстах, так и в произведениях античных авторов, и, прежде всего, в труде Геродота, а, во-вторых, на идее поддержания мира и стабильности в империи, борьбе с восстаниями. И одним из важнейших средств в арсенале внешней политики для выполнения этих двух задач, определяемых персидской имперской идеологией, оставалась война; невоенные, дипломатические средства, также следует принимать во внимание.

5 Дж. Сильверман полагает, что официальная ахеменидская царская репрезентация имперской реальности определяла значение «мира» (то есть *Rax Persica*) с несколькими нюансами. По его словам, мир был не просто отсутствием конфликта; он включал в себя постепенно плодотворную и процветающую реальность, которая приглашала все народы земли добровольно вносить свои уникальные усилия и ресурсы. Это изображалось как божественная воля, достигнутая благодаря усилиям царя и его способностью вдохновлять своих подданных на сотрудничество. Дж. Сильверман полагает, что идеологическим центром и хранителем мира был персидский царь. Автор подчеркивает роль этничности в империи Ахеменидов. В отличие от М. Брозиус, он считает, что сами персы действительно имели особый статус, однако, некоторые другие группы (мидийцы, эламиты, восточные иранцы) также имели важные почетные должности и функции в управлении. Автор утверждает: «Хотя имперская элита была в основном персидской, более важным критерием социального положения была царская благосклонность, и она могла меняться». Наконец, по мнению Дж. Сильвермана, *Rax Persica* понимался как совпадающий с империей, которая,

как предполагалось, совпадала со всем известным миром. Л. Ллевеллин-Джоунз видит в *Pax Persica* фактор имперской пропаганды. По мнению исследователя, планируя гармоничное сотрудничество, Дарий утверждал, что его империя работала лучше всего, когда спланировалась и была единой в своей цели. Империя функционировала хорошо, когда все народы, которыми он правил, были включены в его понятие «семьи». Когда они сотрудничали, они однозначно выигрывали от обеспечения *Pax Persica* — «персидского мира»¹².

6 Некоторые исследователи отмечают отличие ахеменидской имперской идеологии от ассирийской (и египетской) в отношении завоевателей к покоренному народу. По мнению А. Курт, существовала разница в отношении персов к различным этническим группам с обращением с ними ассирийцев и египтян: «Ассирийская идеология выдвинула идею о том, что побежденные были включены в состав ассирийского царства и «ассирийзировались» — «как ассирийцев я считал их», — это рефрен ассирийских царских надписей. В визуальной и вербальной риторике Египта неегипетские подданные всегда оставались стереотипными «чужаками», «несчастливыми врагами», образами инаковости, которые продолжали представлять потенциальную угрозу египетскому порядку, даже когда они составляли часть египетского царства. Напротив, в ахеменидском мире именно стойкое красочное разнообразие подданных империи, их индивидуальный вклад, объединяясь для создания гармоничного целого, которым была Персидская империя, прославлялось словом и образом»¹³.

7 Подобные идеи, развиваемые зарубежными исследователями, не встречают принятия в классических работах отечественных иранистов (М. М. Дьяконова, М. А. Дандамаева, В. Г. Луконина¹⁴), однако, находят отражение в современной отечественной историографии. Так, Р. Р. Вергазов также оперирует понятием *Pax Persica*¹⁵. Он полагает, что идея *Pax Persica* стала фундаментом для идеологии Ахеменидов, влиявшей на организацию системы управления империей. Интеграция в равной степени затронула основные процессы в политической и экономической жизни, а также в культурной сфере¹⁶. Предложенная Ахеменидами модель *Pax Persica* оказалась реализуемой на практике и продуктивной в отношении установления общей стабильности и прочных связей центральной власти с периферией в империи, где сосуществовали десятки народов¹⁷. По мнению Р. Р. Вергазова, программа иранизации подразумевала идеологическое и культурное влияние Ахеменидского Ирана на подвластные народы с целью последующего принятия особенностей персидской официальной культуры представителями локальных традиций, тем самым интегрируя их в структуру *Pax Persica*¹⁸. Кроме того, как считает автор статьи, сам проект *Pax Persica* мог быть реализован только при условии сотрудничества центра и сатрапий, то есть идеи равноправных взаимоотношений без жесткого разделения на персидский правящий класс и остальные подвластные народы. Благодаря такому подходу интеграция локальных элит в ахеменидские властные круги стала успешной стратегией, обеспечившей политическое, экономическое и культурное единство империи¹⁹. Р. Р. Вергазов также полагает, что в позднеахеменидскую эпоху, проект *Pax Persica* был уже частично реализован, но оказался крайне непрочным в условиях внутренних противоречий во взаимоотношениях с провинциями и

острого политического кризиса центральной власти в IV в. до н. э., который и привел к гибели державы Ахеменидов²⁰. Р. Р. Вергазов, следуя зарубежным исследователям, считает *Rax Persica* идеологическим проектом Ахеменидов, направленным на экономическое, политическое и культурное сотрудничество стран и народов в составе Персидской империи под эгидой царя во имя ее благополучия и процветания.

⁸ Иную картину воздействия *Rax Persica* на народы Персидской империи предлагает Л. А. Солано Росси. Он отмечает, что «новый мировой порядок, предложенный империей, породил сценарий великих страданий и насилия». По его мнению, *Rax Persica* и стабильность нового мира не могли быть достигнуты без катастрофических последствий для покоренных народов²¹. Таким образом, между концептами *Rax Achaemenica* и *Rax Persica* есть нечто общее, это идея о том, что Персидская империя основывалась на сотрудничестве персов с покоренными народами, однако, расхождения между исследователями вызывает вопрос о том, как сами персы видели отношения с другими народами, а также, какое воздействие персидское завоевание оказало на видение покоренными народами своих взаимоотношений с персами как завоевателями.

⁹ В данной статье будет показано, что «Ахеменидский мир» — не проект персидских царей, и тем более не продукт идеологии Ахеменидов, а чистейший историографический конструкт, навеянный аналогиями с *Rax Romana* / *Rax Augusta*²². Тем не менее, это современное понятие может употребляться как эквивалент других определений — «персоцентричный мир» или «имперский космос» (по выражению М. Рут). Несомненно, идеи мира и политической стабильности в Персидской империи были основой идеологии «Ахеменидского мира», представленной в понятии *šiyāti-*, выражающей счастье, мир и процветание. Но было ли это в реальности? Разумеется, это был политический миф: восстания, дворцовые заговоры, военные конфликты сопровождали всю историю Ахеменидской империи со времени Кира и до Дария III.

10

Идеология мирового господства Ахеменидов

Особенностью имперской идеологии Ахеменидов было сочетание принципов регионализма и универсализма²³. В одном случае, империя Ахеменидов, согласно древнеперсидским представлениям, нашедшим отражение в источниках, имеет пространственные пределы, ограниченные определенными странами и / или водоемами, в другом случае — империя не имеет конкретных осязаемых границ, ее пределы абстрактны. Таким образом, заложенные Киrom Великим и Дарием Великим принципы взаимоотношений царей с подданными империи, с одной стороны, должны были относиться к народам, входящим в Персидское государство в определенных границах и на определенный момент времени, но, с другой, — Персидская империя должна была быть «открытым миром», постоянно расширяющимся, и, таким образом, эти принципы должны были иметь универсалистский характер, то есть распространяться на территории за пределами конкретных установленных на определенный момент границ.

11 В «Цилиндре Кира» говорится о признании власти Кира Великого со стороны властителей «всего мира» (*ša ka-li-iš kib-ra-a-ta*) (28—30):

12 Все цари всего мира, которые находятся на троне, от Верхнего до Нижнего моря (*iš-tu tam-tì e-li-tì a-di tam-tì šap-li-tì*), те, кто живет в удаленных районах, и цари страны Амурру (*lugal^{mes} kur a-mur-ri-i*, то есть «цари страны Запада»), которые живут в шатрах, доставили ко мне в Вавилон свои тяжелые подати и поцеловали мои ноги²⁴.

13 Под «верхним морем» (или «морем заходящего солнца») в текстах из Месопотамии определенно обозначалось Средиземное море²⁵, и, видимо такое значение продолжало сохраняться за ними и в персидский период. Что касается же собственно определения «нижнее море» (или «море восходящего солнца»), то среди исследователей отсутствует единое мнение о его применимости, однако, наиболее убедительным представляется мнение, что под ним обычно понимали Персидский залив²⁶. Идея мирового господства посредством упоминания власти над пространством, омываемым морями, соответствует ментальной географии, нашедшей отражение в знаменитой вавилонской карте мира, согласно которой суша омывается водами со всех сторон²⁷.

14 В большинстве свидетельств из Месопотамии упоминание о территории, омываемой с двух сторон морями, сочеталось с указанием на безграничность империи, простираемой от восхода до заката. И хотя ссылки на владычество от восхода до заката не встречаются в ахеменидских надписях, ни на аккадском, ни на древнеперсидском, они в изобилии уже присутствуют в документах, начиная с шумерского периода²⁸. В новоассирийских текстах наиболее частотными являются маркеры протяженности империи: «от восходящего солнца до заходящего солнца»²⁹; «от Великого моря Восходящего солнца до Великого моря Заходящего солнца»³⁰; «от Верхнего моря Заходящего солнца до Нижнего моря Восходящего солнца»³¹; «от горизонта до зенита»³². Последнее определение встречается и в нововавилонских царских надписях³³.

15 Реминисценции этих маркеров мирового господства, характерных для государств Месопотамии³⁴, находят отражение и в идеологии Ахеменидов посредством передачи древнегреческой исторической традиции. Наиболее интересным в этом отношении является сообщение афинского оратора Эсхина (III. 132. 5) о том, что царь Ксеркс в своих посланиях к грекам осмеливался именовать себя «владыкой всех народов от восходящего солнца до заходящего» (δεσπότης ἐστὶν πάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυομένου). Древневосточная традиция, определяющая крайние пределы государства по направлению движения солнца, очевидно, хорошо была знакома грекам³⁵. В трагедии Эсхила «Персы» (232) на вопрос царицы Атоссы о том, где же находятся Афины, хор старейшин отвечает: «Далеко в стране заката, там, где меркнет Солнца бог» (τῆλε πρὸς δυσμαῖς ἄνακτος Ἡλίου φθινασμάτων). В труде же Геродота (VII. 8С) Ксеркс заявляет о своем намерении покорить Европу в следующих выражениях: «И не воссияет солнце над какой-либо другой страной, сопредельной с нашей, но их все (эти страны) я обращу с вашей помощью в единую страну, пройдя через всю Европу» (οὐ γὰρ δὴ χώραν γε οὐδεμίαν κατόψεται ἥλιος ὄμουρον εἰούσαν τῆ ἡμετέρῃ, ἀλλὰ σφέας πάσας ἐγὼ ἅμα ὑμῖν χώραν θήσω, διὰ πάσης διεξελθὼν τῆς

Εὐρώπης). По мнению Геродота, Ксеркс думал, что солнце должно было освещать одну лишь только Ахеменидскую империю, а это было равнозначно явному признанию персидским царем того факта, что ее пределы должны были простираться от восхода до заката солнца, хотя, конечно уже не в границах империи Кира после покорения им Вавилона.

¹⁶ В надписях Дария I мы уже наблюдаем отчасти отход от месопотамской традиции маркирования рубежей империи, что могло быть связано с расширением географических представлений в ахеменидскую эпоху, по сравнению с ассирово-вавилонским периодом. Так, например, в табличке из Персеполя на древнеперсидском языке (DPh §2D—H) рубежами царства (*xšāçam*) значатся только лишь конкретные пограничные страны (*dahyāva*): «Это царство, которым я владею, от саков, что за Согдианой, до Куша, от Индии до Лидии» (*ima xšāçam, taya adam dārayāmiy, hacā Sakaibiš, tayaiy para Sugdam, amata yātā ā Kūšā hacā Hiⁿdauv amata yātā ā Spardā*). Возможно, такой поход к определению рубежей империи связан с тем, что персидские цари регулярно ссылались на свои огромные континентальные владения, без отсылки к пограничным морям³⁶. Это встречается в заявлениях персидского монарха о себе как о царе (*xšāyathiya*) «в этой земле великой и протяженной» (*ahyāyā būmiyā vazarkāyā dūrai y apiy*)³⁷, «в этой великой земле» (*ahyāyā būmiyā vazarkāyā*)³⁸, «во всей земле» (*haruvahyāyā būmiyā*)³⁹. В ряде документов на древнеперсидском Ахемениды называют себя царями стран со всеми людьми (*xšāyathiya dahyūnām vispazanānām*)⁴⁰ или царями стран со многими людьми» (*xšāyathiya dahyūnām paruzanānām*)⁴¹. В вавилонских текстах персидский монарх еще в рамках месопотамской традиции обозначается как «царь стран», но в более полном варианте «царь стран всех языков» (LUGAL KUR.KUR^{mes} *šá nap-ḫa-ar li-šá-nu*)⁴².

¹⁷ В надписях из Персеполя на аккадском языке маркеры протяженности государства также иные, чем в текстах из Месопотамии (DPg). В этих текстах Дария Великого уже более не используется слово *tāmtu*, употребляемое в «Цилиндре Кира» для обозначения моря, что, в свою очередь, соответствовало употреблению этого слова в большинстве аккадоязычных царских надписей из Месопотамии. Однако, в них применяется слово *marratu* с детерминативом *íd*, который используется при отсылках на реку или канал. Это слово буквально означает «горький», «соленый»⁴³, также может в принципе относиться к любому водоему в целом, а не только, собственно, к морю или океану, или же к реке⁴⁴. Такое определение вкладывает Геродот (VII. 35. 2) в уста Ксеркса, который, бичевая воды Геллеспонта, бросив в него пару оков и приказав наложить на него клеймо, произносит варварские и нечестивые слова, называя этот пролив «горькой водой» (πικρὸν ὕδωρ), а также мутной и соленой рекой:

¹⁸ О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке (καὶ θολερῶ καὶ ἄλμυρῶ ποταμῶ).

¹⁹ Если верна такая интерпретация слова *marratu*, то теперь Ахеменидская империя простирается не просто «от моря и до моря», но «от этого берега этой

“горькой воды” и до другого берега другой “горькой воды”, от этого края этой “земли жажды” и до другого края другой “земли жажды”» (*ma-a-tum šá a-ḥa-na-a-a a-ga-a šá^{id}mar-ra-tum u a-ḥu-ul-lu-a-a ul-li-i šá^{id}mar-ra-tum šá a-ḥa-na-a-a a-ga-a šá qaq-qar šu-ma-ma-i-tum u a-ḥu-ul-lu-a-a ul-li-i šá qaq-qar šu-ma-ma-i-tum*). Под «землей жажды» (дословно *qaq-qar šu-ma-ma-i-tu*), очевидно, подразумевается пустыня. Персия же и Мидия в надписи особо маркируются как центральные области, отличные от всех прочих территорий империи⁴⁵.

²⁰ Великий Ахурамазда... дал Дарию власть над этой обширной землей, где он владеет многочисленными народами, Персией, Мидией, и другими странами, с другими языками, горами и равнинами, от этого берега этой “горькой воды” и до другого берега другой “горькой воды”, от этого края этой “земли жажды” и до другого края другой “земли жажды”»; При покровительстве Ахурамазды вот эти земли... которые были собраны воедино: Персия, Мидия, и другие страны, с другими языками, горами и равнинами, от этого берега этой “горькой воды” и до другого берега другой “горькой воды”, от этого края этой “земли жажды” и до другого края другой “земли жажды” (DPg. Akk, 16—18)⁴⁶.

²¹ Возникает вопрос: являются ли эти маркеры господства абстрактными, свидетельствующими об универсальном характере персидского господства. Д. Мюррей дает следующий ответ на этот вопрос: «На первый взгляд можно видеть, что Дарий порывает с установившейся месопотамской традицией, ссылаясь к водам на краю мира как “горькая река” (*^{id}mar-ra-tu*), в противоположность «морю» (*tâmtu*), как замечено... в месопотамских царских надписях и даже Цилиндре Кира. Однако, точно такое обозначение дается пограничному океану в вавилонской карте мира, так что утверждение Дария всецело соотносится с месопотамскими представлениями о пространстве и обоснованием абсолютного мирового господства, выраженного посредством символизма пересечения все-окружающего океана»⁴⁷. Однако, автор никак не комментирует упоминание в надписях Дария о пустынях, ограничивающих территорию империи. С. Дельшад восполняет это упущение: «Можно вообразить, что составитель надписи хотел представить размеры империи в виде, близком к вавилонской карте мира... писец вообразил центром империи Персию и Мидию в окружении других земель с другими языками. Эта территория имела некоторые географические признаки: горы, равнины, моря и пустыни. Моря ограничивали империю по крайней мере с двух краев (более вероятно в северо-западной и юго-восточной частях, где расположены Индийский океан и Средиземное море), и пустыни окружали другие края империи (вероятно, Амонская пустыня и центрально-азиатская пустыня)»⁴⁸. Однако, сравнение географических маркеров в надписи из Персеполя с аналогичными в вавилонской карте мира не является корректным, поскольку в представлении вавилонян вся суша мыслилась омываемая водами, однако, в тексте Дария I территория Персидской империи омывалась водами только с двух сторон, а еще с двух сторон она ограничивается пустыней. Кроме того, представления о протяженности Персидской империи от моря до моря (причем, названные моря иные, чем обозначаются в месопотамской традиции!) и от суши до суши видны в свидетельстве Ксенофонта (*Сур. VIII. 6.21*) о ее границах уже после Кира Великого:

22 После этого границами его державы стали (τὴν ἀρχὴν ὠρίζεν): на востоке — Эритрейское море, на севере — Понт Эвксинский, на западе — Кипр и Египет, на юге — Эфиопия. Крайние пределы (τὰ πέρατα) этих обширных владений были не пригодны для поселения (δυσοίκητα) в одном случае из-за жары, в другом — из-за холода, в третьем — из-за обилия воды, в четвертом — из-за ее отсутствия.

23 Однако, если допустить, что слово ^{id}*mar-ra-tu* все же должно было относиться не к морю или океану в абстрактном смысле, а к реке, то целесообразно полагать, что в надписи Дария из Персеполя говорится о пространствах между двумя реками, ограничивающими Ахеменидскую империю с севера и с юга, тогда как пустыни непосредственно ограничивали ее с запада и востока.

24 С привязкой к конкретным водным пределам, можно интерпретировать сообщение греческого историка Динона Колофонского (Plut. *Alex.* 36), согласно которому Ахемениды считали границами своей империи реки Истр (Дунай) и Нил на севере и на юге соответственно: «персидские цари хранили в своей сокровищнице, наряду с прочим, воду, привезенную из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах державы и власти над всеми» (Δείνων δέ φησι καὶ ὕδωρ ἀπὸ τε τοῦ Νείλου καὶ τοῦ Ἰστρου μετὰ τῶν ἄλλων μεταλεμπομένους εἰς τὴν γάζαν ἀποτίθεσθαι τοὺς βασιλεῖς, οἷον ἐκβεβαιουμένους τὸ μέγεθος τῆς ἀρχῆς καὶ τὸ κυριεύειν πάντων). Таким образом, очевидно, что в аккадской надписи Дария I из Персеполя, в которой царь говорит о пределах своего могущества, Ахеменидская империя может иметь пространственную ориентацию с севера на юг и с востока на запад, будучи ограничена, с одной стороны, водоемами, а, с другой, — пустынными землями.

25

«Мир пришел в город»: Кир Великий как миротворец

Сохранившиеся надписи Кира отмечают мирные методы основания Персидской империи. Надпись Кира из Ура провозглашает установление господства над другими странами («Великие боги передали все земли в мои руки») и заявляет, что он сделал эту землю мирной (*mata šu-ub-ti ni-ih-ti u-še-šib*)⁴⁹. Очевидно, он был вдохновлен стилем царских надписей, восходящих к прежней месопотамской традиции, берущей начало еще со старовавилонского периода, в которой цари, среди других заслуг, считали, что побуждали людей жить в мире⁵⁰. Так, в частности, Саргон II (721—705 гг. до н. э.) использовал фразу «я позволил людям жить в мире», чтобы описать подчинение чужеземной страны своему владычеству (RINAP II/1: 208b; 2, 463b; 8, 6; 82, 11b; 117, II 64); выражение «Я установил мир» (*su-lum-tu-u ú-šá-áš-kin*) (RINAP II: 7, 35) обозначает подчинение враждебных стран своей власти, ибо предполагает мир не как состояние, противоположное войне, но как замирение врагов после победы над ними. Асархаддон (680—669 гг. до н. э.) утверждает, что собрал рассеянный народ Вавилона и переселил его в мирные жилища (RINAP IV: 48. 42—43), подчеркивая свою роль в установлении мира для подданных. Нововавилонский царь Нериглиссар отмечал, что он убивал своих врагов и подчинял всех неподвластных

и так установил справедливость в стране, и мирно правил своим народом (RINBE II/1: I 37—ii). Надпись Набонида, в частности, гласит:

26 По повелению бога Сина и богини Иштар, повелительницы битвы, без которой вражды и мира нет на земле и не идет война, она (Иштар) возложила на них свою руку, и цари земель Египта, Мидии, (и) Аравии, и все враждебные цари послали (своих посланников) в мое присутствие для (установления) доброй воли и мира (RINBE II/1: 47, i 38b—45a).

27 Таким образом, эта надпись Набонида определенно говорит об установлении мира после военных побед над врагами. Несомненно, что и Кир Великий воспринял концепт мира у своих месопотамских предшественников, о чем говорит упоминание о мире после победы⁵¹. Хроника Набонида отмечает, что Кир победил в битве при Opisе на реке Тигр вавилонян (*ABC* 7, iii. 12—13), собрал добычу и убил людей⁵², но затем он захватил Сиппар без боя (iii. 14), вошел в Вавилон без боя (iii. 15—16), мир пришел в город (iii. 19: *šu-lum ana āli ša-kin*), а Кир говорил всем жителям Вавилона слова приветствия (iii. 19—20: *^mKu-raš šu-lum ana Bābili^{ki} gab-bi-šú qi-bi*). Согласно же «Цилиндру Кира», Мардук побудил Кира войти в его город Вавилон без сражения (17). Далее уже сам Кир в тексте «Цилиндра» рассказывает о своих действиях от первого лица:

28 Когда я вступил в Вавилон мирно (*sa-li-mi-iš*) и установил место правления во дворце... Мардук, великий владыка, [побудил] прекраснодушных жителей Вавилона [любить меня], и я ежедневно старательно почитал его. Мои многочисленные войска вступили в Вавилон мирно (*šu-ul-ma-niš*), я не позволил [никому] пугать [жителей] [Шумера] и Аккада. Я установил мир (*ša-li-im-ti*) в Вавилоне и во всех его священных городах... Я отменил ярмо, которое было наложено на них. Я принес покой в их разрушенные дома и положил конец их жалобам. Мардук, великий владыка, доволен моими делами и послал благословение на меня, Кураша, царя, который почитает его, Камбиза, моего сына, и все мое войско... (22—28; перевод М. А. Дандамаева с исправлениями).

29 С одной стороны, как считает С. Медениекс, установление мира в Вавилонии было тесно связано с концепцией космического порядка, который зависел от гармоничных отношений между царем и богами⁵³. Однако, с другой стороны, нет никаких сомнений в том, что такое частое использование слова «мир» (*salīmu, šulmu*⁵⁴) в названных текстах предназначалось для создания образа царя-мироотворца среди населения Месопотамии и, следовательно, было проявлением имперской пропаганды Кира. Эсхил в своей трагедии «Персы» (768—769 гг.), подобно царским надписям, также представляет Кира как мироотворца: «он мир даровал всем друзьям» (ἔθηκε πᾶσιν εἰρήνην φίλοις). Это свидетельство предполагает, что пропаганда Кира его мирной политики по отношению к завоеванному населению кажется стала известна также и грекам.

30 Таким образом, пропаганда мира, проводимая Киrom Великим, находилась в соответствии с месопотамскими традициями. Это был по своей сути *parta victoriis pax* (RGDA, 13), то есть рожденный победами мир.

«Счастье для человечества»: Ахеменидская модель «имперского мира»

Имперская идеология во внешней политике Дария I представляет весь мир уже завоеванным этим персидским царем⁵⁵, о чем конкретно свидетельствует сообщение надписи на царской гробнице в Накше-Рустаме (DNa. §4L—V), высеченной вместе с рельефом, изображающим народы, поддерживающие царский трон, и в которой сам Дарий обращается к своим потомкам:

32 Когда ты подумаешь: сколь многочисленны были страны, которыми Дарий царь владел, то посмотри на рельефные фигуры, которые трон несут. Тогда ты узнаешь и тебе станет известно, что копье персидского человека проникло далеко, тогда тебе станет известно, что персидский человек⁵⁶ далеко от Персии поражал врагов⁵⁷.

33 Ссылка на копье, в данном случае, символизирует завоевание новых земель⁵⁸. В своей Накше-Рустамской надписи Дарий, предваряя список стран под своей властью, заявляет, что эти страны он захватил за пределами Персии (DNa §3C-E), а в Персепольской надписи говорит, что он овладел ими с персидским войском и они его боялись (DPe. §2C—E). В Суэцкой надписи Дарий даже приписывает себе завоевание Египта: «Я — перс. Из Персии я завоевал Египет» (DZs. §3C), хотя в действительности речь могла идти лишь об усмирении восстания⁵⁹. Эта идеология, нацеленная на расширение территории Персидской империи, находит отражение и в древнегреческой исторической традиции, и, в частности, уже при объяснении причин греко-персидского конфликта в начале труда Геродота (I. 4): «Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них — чужая страна». Примечательно также, что свое повествование этот историк завершает также символично: «Они [персы] предпочли, сами владея скудной землей, властвовать [над другими народами], чем быть рабами на тучной равнине» (IX. 109). Эти завоевания, как очевидно, представляли себе Ахемениды, принесли всем покоренным странам и народам счастье, мир и процветание, выраженное словом *šiyāti-*, и задачей персидских царей теперь стала защита уже достигнутого.

34 Царские надписи на древнеперсидском ссылаются на *šiyātim martiyahyā* (выражение, обычно переводимое как «счастье для человечества»⁶⁰), что считалось таким же творением Ахурамазды, как земля, небеса и сам человек⁶¹. Однако, само слово *šiyāti-* обычно в зависимости от контекста выражает целый спектр различных значений, таких как «счастье», «благосостояние», «мир», «процветание»⁶². Или, возможно, прав Б. Линкольн, что слово *šiyāti-* выражало абсолютное счастье, отмеченное миром, спокойствием, и отсутствием разногласий или раздоров⁶³. И если в параллельных текстах на эламском языке это слово *ši-ia-ti-um* было калькой древнеперсидского (DZc. 2), то на аккадском — *dum-qu* (DZf. 2), — эквивалент древнеперсидского *šiyāti-*, в числе прочего, имел такие значения как «удача», «счастье», «благосостояние», «процветание», «добродота»⁶⁴. Таким образом, вполне очевидно, что по своему семантическому значению слово *šiyāti-* (передаваемое на аккадском как *dumqu*) в строгом смысле не может соответствовать аккадскому слову *salīmu* / *šulmu*, т.е. «мир», но оно может

обозначать состояние, наступающее вследствие установления этого мира в империи. Об этом может свидетельствовать текст Дария I из Персеполя (DPe. §3), ссылающийся на установление *šiyāti-*. В том контексте это слово может обозначать состояние мира, которое наступит, если последующие цари будут защищать персидский народ:

³⁵ Говорит царь Дарий: Если так ты подумашь: «Чего же другого я боюсь». Защити этот персидский народ. Если персидский народ будет защищен, то очень продолжительный мир будет нерушим (*hayā duvaištam šiyātiš axšatā*), а некоторая Аура снизойдет на этот царский дом⁶⁵.

³⁶ Дарий просит Ахурамазду в другом своем тексте из Персеполя защитить страну от вражеского войска, от неурожая, ото лжи (DPd. §3F—H)⁶⁶. В надписи же из Суз отмечается роль Дария в умиротворении империи (DSe. §5D—N):

³⁷ Говорит Дарий царь: Много плохого было сделано, это хорошее я сделал; страны восставали; один (человек) с другим сражался; это я сделал по воле Ахурамазды, чтобы один (человек) с другим не сражался, но каждый был *на месте*; моего закона боялись, так что сильный со слабым не сражался, и не уничтожал его.

³⁸ В этой надписи Дарий фактически заявляет об установлении мира в империи. Роль войны в поддержании мира и стабильности в империи не следует недооценивать, поскольку только война со времен Кира Великого воспринимались именно как средство установления мира. Идея умиротворения стала лейтмотивом ахеменидской идеологии и пропаганды, однако, в Бехистунской надписи Дарий I и в Антидэвовской надписи Ксеркс особо отмечают роль войны в поддержании мира и стабильности в империи. В обоих текстах общим местом является упоминание волнений, которые часто случались в разных областях империи. В Бехистунской надписи причиной волнений объявлена ложь (*drauga*), которая распространилась по всем подвластным странам:

³⁹ Когда Камбиз отправился в Египет, народ возмутился, и ложь распространилась в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других странах» (DB. §10N—S);

⁴⁰ Эти страны, которые стали мятежными, — ложь сделала их мятежными, потому что они [самозванцы] обманывали народ (DB. §54A—D).

⁴¹ И далее Дарий уже обращается к последующим царям:

⁴² О ты, который будешь со временем царем, крепко оберегай себя от лжи. Человека, который будет лжецом, строго наказывай, если хочешь, чтоб страна твоя была невредимой (DB. §55).

⁴³ Таким образом, следует признать, что установление мира в Персидской империи было следствием военных кампаний, начиная с Кира Великого, а многочисленные восстания, сотрясавшие империю с момента ее возникновения и до ее падения, на которых акцентируют особое внимание царские надписи, ставят уже перед Дарием I задачу по поддержанию достигнутого мира. Все это, однако, позволяют усомниться в той идиллической картине, которую рисуют

исследователи (А. Курт, М. Брозиус, Р. Р. Вергазов), говорящие о плодотворном сотрудничестве народов под эгидой Великого царя. Что касается определений *Pax Achaemenica* или *Pax Persica*, то хотя они и являются современными историографическими конструктами, но могут применяться для характеристики персцентричного мира, находящегося под властью Ахеменидов. Однако, характеристика этого мира («имперского космоса») не должна быть идиллической, но более разносторонней и многоплановой.

44 **Список сокращений**

CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 1—20. Chicago, 1956—2010.

RGDA — Res Gestae Divi Augusti.

Примечания:

1. Frye R. N. *The Heritage of Persia*. L., 1962. P. 86.
2. Tuplin C. J. *War and Peace in Achaemenid Imperial Ideology* // *Electrum*. 2017. Vol. 24. P. 31, 36—37.
3. Wiesehöfer J. *From Achaemenid Imperial Order to Sasanian Diplomacy: War, Peace, and Reconciliation in Pre-Islamic Iran* // *War and Peace in the Ancient World* / ed. Raaflaub K. A. Malden; Oxford; Carlton, Victoria, 2007. P. 125; Wiesehöfer J. *The Achaemenid Empire* // *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium* / ed. Morris I., Scheidel W. Oxford, 2009. P. 67, 76, 92; Wiesehöfer J. *Peace and Views of Peace in Achaemenid Iran* // *Making Peace in the Ancient World. Proceedings of the 7th Melammu Workshop, Padova, 5—7 November 2018* / ed. Lanfranchi G. B., Ponchia S., Rollinger R. Münster, 2022. P. 266.
4. Briant P. *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake, 2002. P. 171.
5. Brosius M. *Pax persica: Königliche Ideologie und Kriegsführung im Achämenidenreich* // *Krieg — Gesellschaft — Institutionen. Beiträge zu einer vergleichenden Kriegsgeschichte* / ed. Meißner B., Schmitt O., Sommer M. B., 2005. P. 135—161; Brosius M. *Pax Persica and the People of the Black Sea Region: Extent and Limits of Achaemenid Imperial Ideology* // *Achaemenid Impact in the Black Sea region: Conference held in Sandbjerg, Denmark, 10—12 January 2008* / ed. Rehm E., Nieling J. Aarhus, 2010. P. 29—40; Brosius M. *Persian Diplomacy Between “Pax Persica” and “Zero-Tolerance”* // *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece* / ed. Milker J. Mainz, 2012. P. 150—163.
6. Stoneman R. *Xerxes. A Persian Life*. New Haven; L., 2015. P. 55, 107.
7. Hyland J. *Persian Interventions. The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450—386*. Baltimore, 2018. P. 8, 13.
8. Silverman J. M. *Persian Royal — Judean Elite Engagements in the Early Teispid and Achaemenid Empire. The King’s Acolytes*. L.; N. Y.; Oxford; New Delhi; Sidney, 2020. P. 9, 11.
9. Root M. C. *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essay on the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden, 1979. P. 309—311.
10. Brosius M. *Pax Persica and the People of the Black Sea Region: Extent and Limits of Achaemenid Imperial Ideology* // *Achaemenid Impact in the Black Sea region: Conference held in Sandbjerg, Denmark, 10—12 January 2008* / ed. Rehm E., Nieling J. Aarhus, 2010. P. 33.
11. Briant P. *From the Mediterranean to the Indus Valley: Modalities and Limitations of the Achaemenid Imperial Space* // *The Limits of Universal Rule. Eurasian Empires Compared* / ed. Pines Y., Biran M., Rüpke J. Cambridge, 2021. P. 56.
12. Llewellyn-Jones L. *Persians. The Age of the Great Kings*. N. Y., 2022. P. 20.
13. Kuhrt A. *Achaemenid images of royalty and empire* // *Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science foundation Exploratory Workshop held in Padova, November 28th—December 1st, 2007* / ed. Lanfranchi G., Rollinger R. Padova, 2010. P. 100.
14. Дьяконов М. М. *Очерки истории Древнего Ирана*. М., 1961; Дандамаев М. А. *Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.)*. М., 1963; Дандамаев М. А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М., 1985. СПб., 2015; Дандамаев М. А. *Ахеменидская империя: Социально-административное устройство и культурные достижения*. СПб., 2013; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М., 1980.

15. Вергазов Р. Р. Иранизация сатрапий Ахеменидов: к особенностям интеграции культур местных элит севера и северо-востока империи // Вестник Московского университета. Серия 8. «История». 2018. № 1. С. 88—103; Вергазов Р. Р. «Персидский мир». Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 21. С. 111—126.
16. Вергазов Р. Р. Иранизация сатрапий Ахеменидов: к особенностям интеграции культур местных элит севера и северо-востока империи // Вестник Московского университета. Серия 8. «История». 2018. № 1. С. 89.
17. Там же. С. 102.
18. Там же. С. 89—90.
19. Там же. С. 91.
20. Там же. С. 90—91; Вергазов Р. Р. «Персидский мир». Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 21. С. 112—113.
21. Rossi L. A. S. A pax Persica: o contexto imperial persa // Ribla. 2022. Vol. 87 (2). P. 11—19.
22. Van De Mieroop M. Making Peace in the Ancient Near East // Making Peace in the Ancient World. Proceedings of the 7th Melammu Workshop, Padova, 5—7 November 2018 / ed. Lanfranchi G. B., Ponchia S., Rollinger R. Münster, 2022. P. 22; Wiesehöfer J. Peace and Views of Peace in Achaemenid Iran // Making Peace in the Ancient World. Proceedings of the 7th Melammu Workshop, Padova, 5—7 November 2018 / ed. Lanfranchi G. B., Ponchia S., Rollinger R. Münster, 2022. P. 266.
23. Подробнее см.: Рунг Э. В. Имперская идея в государстве Ахеменидов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4. С. 130—140.
24. Перевод и транслитерацию см.: Finkel I. The Cyrus Cylinder: the Babylonian Perspective // The Cyrus Cylinder: The King of Persia's Proclamation from Ancient Babylon / ed. Finkel I. L., 2013. P. 4—34; Schaudig H. The Text of the Cyrus Cylinder // Cyrus the Great: Life and Lore / ed. Shayegan M. R. Cambridge; L., 2019. P. 16—25.
25. Yamada K. From the Upper Sea to the Lower Sea: The Development of the Names of Seas in the Assyrian Royal Inscriptions // Orient. 2005. Vol. 40. P. 31—55.
26. Там же. P. 39—42.
27. См.: Horowitz W. The Babylonian Map of the World // Iraq. 1988. Vol. 50. P. 147—165; Delnero P. A Land with No Borders: A New Interpretation of the Babylonian “Map of the World” // Journal of Ancient Near Eastern History. 2018. Vol. 4 (1—2). P. 1—19.
28. Konstantopoulos G. The Bitter Sea and the Waters of Death: The Sea as a Conceptual Border in Mesopotamia // Journal of Ancient Civilizations. 2020. Vol. 35 (2). P. 171—197.
29. RINAP I: 35, ii, 18'—19'; 39, 1; 47, 4; 51, 1; 52, 1; RINAP II: 73, 3; RINAP III/2: 152, 1; RINAP IV: 1, ii, 25; 2, i, 11—12; 48, 46; 49, 11'; V/1: 3, I, 40; RINAP V/1: 1, vi, 1, 9'.
30. RINAP I: 35, ii 22'—23'.
31. RINAP I: 37, 12; 40, 3b; III/1: 15, i 14; 16, i 15; 17, i 11; 22, i 10; 23, i 9b; 24, i 9b; 27, ii 1'; III/2: 46, 2b; 136, i 10; 155, 4'; 230, 5b; V/1: 4, i 31; 21, 24'.
32. RINAP I: 47, 1; 51, 1; 52, 1.
33. RINBE II/1: 2, r x 1; 23, iii 47; 36, iii 1'.
34. Rollinger R. From Sargon of Agade and the Assyrian Kings to Khusrau I and Beyond: On the Persistence of Ancient Near Eastern Traditions // Leggo! Studies Presented to Frederik Mario Fales on the Occasion of his 65th Birthday / ed. Lanfranchi G., Morandi Bonacossi D., Pappi C., Ponchia S. Wiesbaden, 2012. P. 731; Rollinger R. Dareios und Xerxes an den Rändern der Welt und die Inszenierung von Weltherrschaft. Altorientalisches bei Herodot // Herodots Quellen. Die Quellen Herodots / ed. Dunsch B., Ruffing K. Wiesbaden, 2013. S. 95—116; Rung E. The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water // Klio. 2015. Bd. 97 (2). P. 509—511.
35. О роли солнца в пространственно-временных представлениях древних народов см.: Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. Imagines mundi: античность и средневековье. М., 2013. С. 121—126.
36. В текстах на древнеперсидском море (*drayah-*) также в некоторых случаях разграничивает территории, но уже не упоминается в качестве пределов Ахеменидской империи. Об этом подробнее см.: Рунг Э. В. Имперская идея в государстве Ахеменидов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4. С. 134. Прим. 28.
37. DNa §2E; DEa §2E; DZc §2E; XEa §2E; XPa §2E; XPb §2E; XPc §2E; XPd §2E; XPf §2E; XPh §2E; XVa §2E; D2Ha §2E; A2Hc. §3C.
38. DSab §3E; DZb §1E.

39. DSb §1E; DSf §5B; D2Ha §3D.
40. DNa. §2D; DSe. §2D; DZc. §2D.
41. XEa. §2D; XPa. §2D; XPb. §2D; XPc. §2D; XPd. §2D; XPf. §2D; XPh. §2D; XVa. §2D; DHa §2D.
42. DPa. Akk.2; XPa. Akk.7; XPb. Akk.10; XPc. Akk.6; XPd. Akk.5; XPf. Akk. o a7; XPh. Akk.o a8; A1Pa. Akk.4.
43. CAD. X, M, 1, s. v. marru (*māru*, fem. *marratu*): bitter, brackish, biting.
44. В. Хоровиц полагает, что термин *marratu* является синонимом I тысячелетия до н. э. термина *tāmtu* — «море». Однако, термин *marratu*, в отличие от *tāmtu*, часто употребляется с детерминативом *íd*, используемым для обозначения рек и каналов. Это предполагает, что *marratu* мыслился как относительно узкий водоем, а не бескрайнее море (Hogowitz W. The Babylonian Map of the World // Iraq. 1988. Vol. 50. P. 156).
45. Kuhrt A. Achaemenid images of royalty and empire // Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science foundation Exploratory Workshop held in Padova, November 28th—December 1st, 2007 / ed. Lanfranchi G., Rollinger R. Padova, 2010. P. 95.
46. Перевод этих надписей: Kuhrt A. The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. Oxford, 2007. P. 483; Delshad S. DPg: Ahuramazdā and the Creation of Water, with a New Text Edition // Iranian Studies. 2019. Vol. 52 (3—4). P. 575—588.
47. Murray D. The Waters at the End of the World: Herodotus and Mesopotamian Cosmic Geography // New Worlds from Old Texts: Revisiting Ancient Space and Place / ed. Barker E., Bouzarovski S., Pelling C., Isaksen L. Oxford, 2015. P. 51.
48. Delshad S. DPg: Ahuramazdā and the Creation of Water, with a New Text Edition // Iranian Studies. 2019. Vol. 52 (3—4). P. 581.
49. Gadd C. J., Legrain G. Ur Excavations Text. I. Royal inscriptions. L., 1928. P. 58. Not. 194.
50. Waters M. W. Cyrus rising: Reflections on word choice, ancient and modern // Cyrus the Great: Life and Lore / ed. Shayegan M. R. Cambridge; L., 2019. P. 36.
51. О восприятии мира на Древнем Ближнем Востоке как результата войны см.: Van De Mierop M. Making Peace in the Ancient Near East // Making Peace in the Ancient World. Proceedings of the 7th Melammu Workshop, Padova, 5—7 November 2018 / ed. Lanfranchi G. B., Ponchia S., Rollinger R. Münster, 2022. P. 21.
52. М. Уотерс предполагает, что интерпретация действий Кира после его победы может принимать разные повороты в зависимости от того, как глагол *dāku* переводится в этих контекстах: убил ли Кир людей или победил вавилонскую армию в битве при Опесе (Waters M. W. Cyrus rising: Reflections on word choice, ancient and modern // Cyrus the Great: Life and Lore / ed. Shayegan M. R. Cambridge; L., 2019. P. 27).
53. Medeniaks S. Cyrus the Great: an unconventional peacemaker // Peace and Reconciliation in the Classical World / ed. Moloney E. P., Williams M. S. L., 2017. P. 137.
54. CAD. XV, S, s. v. *salīmu* (*silīmu*, *šalmu*): 1. peace, concord, 2. reconciliation with the gods, favor; XVII. Š, III, s. v. *šulmāniš*: peaceful, in peace; *šulmu*: 1. well-being, health, completeness, 2. ceremony of greeting, court audience, 3. peace, safety, 4. end, completion. Слово «мир», по-аккадски, *šulmu/šalmu*, *salīmu/salāmu/sulummū* имеет обыкновение появляться в текстах в виде *гендуадуса: tūbtu u sulummū* («дружба и мир»), *salīmum damqātum* («хороший мир»), *ahhūtu salāmu* («братство и мир») (Weinfeld 1973, 191).
55. Manning S. Armed Force in the Teispid-Achaemenid Empire: Past Approaches, Future Prospects. Wiesbaden, 2021. P. 153.
56. В тексте древнеперсидской надписи из Накше-Рустам употребляется выражение «персидский человек» (*Pārsa martiya*); то же самое выражение употребляется в надписи на статуе Дария из Суз, в которой упоминается захват Египта (DSab): «Это каменная статуя, которую царь Дарий приказал сделать в Египте, чтобы тот, кто увидит ее в будущем, узнает, что персидский человек владел Египтом». Как справедливо полагает П. Бриан, словосочетание «персидский человек» обычно подразумевает самого царя, но в то же время относится ко всем персидским воинам, которые его сопровождают (Briant P. The Achaemenid Empire // War and Society in the Ancient and Medieval Worlds. Asia, The Mediterranean, Europe and Mesoamerica / ed. Raaflaub K., Rosenstein N. Washington, 1999. P. 110).
57. Заманчиво видеть здесь аллюзию на военные действия в Европе, предпринимаемые персами под командованием Мегабаза в 513 г. и Мардония в 492 г. (Hdt. VII. 108); исторический контекст: Rung E. War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century B. C. // War and Peace in Ancient and Medieval History / ed. de Souza Ph., France J. Cambridge, 2008. P. 28—31. Текст рассматриваемой надписи мог ссылаться также и на скифский поход Дария, который хоть и закончился неудачей, но позволил персам на несколько десятилетий закрепиться на европейском берегу Босфора.

58. Degen J. Alexander III, Dareios I und das speererworbene Land (Diod. 17, 17, 2) // Journal of Ancient Near Eastern History. 2019. Vol. 6 (1). S. 70—73.
59. Это египетское восстание упомянуто в Бехистунской надписи (DB. §21F).
60. Lincoln B. Happiness for Mankind: Achaemenian Religion and the Imperial Project. Leuven, 2012. P. 10.
61. DNa. §1E; DNb. §1C; DSe. §1E; DSf. §1E; DSab. §1E; DZc. §1E; XEa. §1F; XPa. §1E; XPb. §1E; XPc. §1E; XPd. §1E; XPf. §1E; XPh. §1E; XPl. §1C; XVa. §1F; D2HA. §1E; A2Hc. §1F; A3PA. §1E.
62. Kent R. G. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950. P. 210: welfare, peace, happiness. Cf. Schmitt R. Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften. Wiesbaden, 2014. S. 248: Glück(seligkeit).
63. Lincoln B. Religion, Culture, and Politics in Pre-Islamic Iran. Collected Essays. Leiden; Boston, 2021. P. 20.
64. CAD. III, D. s. v. *dumqu*: 1. good luck, good fortune, 2. favor, (divine) grace, 3. well-being, prosperity, fortune, profit, fame, 4. recommendation, 5. gratitude, 6. beauty, 7. choice thing, treasure, darling.
65. Б. Линкольн интерпретирует это предложение следующим образом: «Если персидский народ/войско (*kāra*) будет защищено, он обещал, счастье будет не нарушено в течение очень долгого времени» (Lincoln B. Happiness for Mankind: Achaemenian Religion and the Imperial Project. Leuven, 2012. P. 259).
66. По мнению Б. Линкольна, *šiyāti*- могло означать состояние мира, свободного от этих трех угроз: вражеского войска, голода, лжи (Там же. P. 12).
-

Библиография:

1. Вергазов Р. Р. «Персидский мир». Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 21. С. 111—126.
2. Вергазов Р. Р. Иранизация сатрапий Ахеменидов: к особенностям интеграции культур местных элит севера и северо-востока империи // Вестник Московского университета. Серия 8. «История». 2018. № 1. С. 88—103.
3. Дандамаев М. А. Ахеменидская империя: Социально-административное устройство и культурные достижения. СПб., 2013.
4. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.
5. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
6. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
7. Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. Imagines mundi: античность и средневековье. М., 2013.
8. Дьяконов М. М. Очерки истории Древнего Ирана. М., 1961.
9. Рунг Э. В. Имперская идея в государстве Ахеменидов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4. С. 130—140.
10. Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, 2002.

11. Briant P. From the Mediterranean to the Indus Valley: Modalities and Limitations of the Achaemenid Imperial Space // *The Limits of Universal Rule. Eurasian Empires Compared* / ed. Pines Y., Biran M., Rüpke J. Cambridge, 2021. P. 49—78.
12. Briant P. The Achaemenid Empire // *War and Society in the Ancient and Medieval Worlds. Asia, The Mediterranean, Europe and Mesoamerica* / ed. Raaflaub K., Rosenstein N. Washington, 1999. P. 105—128.
13. Brosius M. Pax Persica and the People of the Black Sea Region: Extent and Limits of Achaemenid Imperial Ideology // *Achaemenid Impact in the Black Sea region: Conference held in Sandbjerg, Denmark, 10—12 January 2008* / ed. Rehm E., Nieling J. Aarhus, 2010. P. 29—40.
14. Brosius M. Pax persica: Königliche Ideologie und Kriegsführung im Achämenidenreich // *Krieg — Gesellschaft — Institutionen. Beiträge zu einer vergleichenden Kriegsgeschichte* / ed. Meißner B., Schmitt O., Sommer M. B., 2005. P. 135—161.
15. Brosius M. Persian Diplomacy Between “Pax Persica” and “Zero-Tolerance” // *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece* / ed. J. Milker. Mainz, 2012. P. 150—163.
16. Degen J. Alexander III, Dareios I und das speererworbene Land (Diod. 17, 17, 2) // *Journal of Ancient Near Eastern History*. 2019. Vol. 6 (1). S. 53—95.
17. Delnero P. A Land with No Borders: A New Interpretation of the Babylonian “Map of the World” // *Journal of Ancient Near Eastern History*. 2018. Vol. 4 (1-2). P. 1—19.
18. Delshad S. DPg: Ahuramazdā and the Creation of Water, with a New Text Edition // *Iranian Studies*. 2019. Vol. 52 (3-4). P. 575—588.
19. Finkel I. The Cyrus Cylinder: the Babylonian Perspective // *The Cyrus Cylinder: The King of Persia's Proclamation from Ancient Babylon* / ed. Finkel I. L., 2013. P. 4—34.
20. Frye R. N. *The Heritage of Persia*. L., 1962.
21. Gadd C. J., Legrain G. *Ur Excavations Text. I. Royal inscriptions*. L., 1928.
22. Horowitz W. *The Babylonian Map of the World* // *Iraq*. 1988. Vol. 50. P. 147—165.
23. Hyland J. *Persian Interventions. The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450—386*. Baltimore, 2018.
24. Kent R. G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven, 1950.
25. Konstantopoulos G. The Bitter Sea and the Waters of Death: The Sea as a Conceptual Border in Mesopotamia // *Journal of Ancient Civilizations*. 2020. Vol. 35 (2). P. 171—197.

26. Kuhrt A. Achaemenid images of royalty and empire // Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science foundation Exploratory Workshop held in Padova, November 28th—December 1st, 2007 / ed. Lanfranchi G., Rollinger R. Padova, 2010. P. 87—106.
27. Kuhrt A. The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. Oxford, 2007.
28. Lincoln B. Happiness for Mankind: Achaemenian Religion and the Imperial Project. Leuven, 2012.
29. Lincoln B. Religion, Culture, and Politics in Pre-Islamic Iran. Collected Essays. Leiden; Boston, 2021.
30. Llewellyn-Jones L. Persians. The Age of the Great Kings. N. Y., 2022.
31. Manning S. Armed Force in the Teispid-Achaemenid Empire: Past Approaches, Future Prospects. Wiesbaden, 2021.
32. Medeniēks S. Cyrus the Great: an unconventional peacemaker // Peace and Reconciliation in the Classical World / ed. Moloney E. P., Williams M. S. L., 2017. P. 133—147.
33. Murray D. The Waters at the End of the World: Herodotus and Mesopotamian Cosmic Geography // New Worlds from Old Texts: Revisiting Ancient Space and Place / ed. Barker E., Bouzarovski S., Pelling C., Isaksen L. Oxford, 2015. P. 47—60.
34. Rollinger R. Dareios und Xerxes an den Rändern der Welt und die Inszenierung von Weltherrschaft. Altorientalisches bei Herodot // Herodots Quellen. Die Quellen Herodots / ed. Dunsch B., Ruffing K. Wiesbaden, 2013. S. 95—116.
35. Rollinger R. From Sargon of Agade and the Assyrian Kings to Khusrau I and Beyond: On the Persistence of Ancient Near Eastern Traditions // Leggo! Studies Presented to Frederik Mario Fales on the Occasion of his 65th Birthday / ed. Lanfranchi G., Morandi Bonacossi D., Pappi C., Ponchia S. Wiesbaden, 2012. P. 725—743.
36. Root M. C. The King and Kingship in Achaemenid Art. Essay on the Creation of an Iconography of Empire. Leiden, 1979.
37. Rossi L. A. S. A pax Persica: o contexto imperial persa // Ribla. 2022. Vol. 87 (2). P. 11—19.
38. Rung E. The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water // Klio. 2015. Bd. 97 (2). P. 503—515.
39. Rung E. War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century B. C. // War and Peace in Ancient and Medieval History / ed. de Souza Ph., France J. Cambridge, 2008. P. 28—50.

40. Schaudig H. The Text of the Cyrus Cylinder // *Cyrus the Great: Life and Lore* / ed. Shayegan M. R. Cambridge; L., 2019. P. 16—25.
41. Schmitt R. *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden, 2014.
42. Silverman J. M. *Persian Royal — Judean Elite Engagements in the Early Teispid and Achaemenid Empire. The King's Acolytes*. L.; N. Y.; Oxford; New Delhi; Sidney, 2020.
43. Stoneman R. *Xerxes. A Persian Life*. New Haven; L., 2015.
44. Tuplin C. J. War and Peace in Achaemenid Imperial Ideology // *Electrum*. 2017. Vol. 24. P. 31—54.
45. Van De Mieroop M. Making Peace in the Ancient Near East // *Making Peace in the Ancient World. Proceedings of the 7th Melammu Workshop, Padova, 5—7 November 2018* / ed. Lanfranchi G. B., Ponchia S., Rollinger R. Münster, 2022. P. 19—30.
46. Waters M. W. Cyrus rising: Reflections on word choice, ancient and modern // *Cyrus the Great: Life and Lore* / ed. Shayegan M. R. Cambridge; L., 2019. P. 26—45.
47. Wiesehöfer J. From Achaemenid Imperial Order to Sasanian Diplomacy: War, Peace, and Reconciliation in Pre-Islamic Iran // *War and Peace in the Ancient World* / ed. Raaflaub K. A. Malden; Oxford; Carlton, Victoria, 2007. P. 121—140.
48. Wiesehöfer J. Peace and Views of Peace in Achaemenid Iran // *Making Peace in the Ancient World. Proceedings of the 7th Melammu Workshop, Padova, 5—7 November 2018* / ed. Lanfranchi G. B., Ponchia S., Rollinger R. Münster, 2022. P. 265—274.
49. Wiesehöfer J. The Achaemenid Empire // *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium* / ed. Morris I., Scheidel W. Oxford, 2009. P. 66—98.
50. Yamada K. From the Upper Sea to the Lower Sea: The Development of the Names of Seas in the Assyrian Royal Inscriptions // *Orient*. 2005. Vol. 40. P. 31—55.

“Achaemenid Peace”: A Historiographical Construct and Achaemenid Imperial Ideology

Eduard Rung

Kazan Federal University

Russian Federation, Kazan

Abstract

The article deals with the historiographical construct of the “Achaemenid Peace”, referred to by modern researchers as Pax Achaemenica (alternative designation — Pax Achaemenidica) and Pax Persica (alternative designation — Pax Persiana) by analogy with Pax Romana and Pax Augusta. Through consideration of research concepts, it is concluded that there is something in common between the concepts of Pax Achaemenica and Pax Persica, this is the idea that the Persian Empire was based on the cooperation of the Persians with the conquered peoples, however, the discrepancy between the researchers raises the question of whether how the Persians themselves saw relations with other peoples, and also what impact the Persian conquest had on the vision of the conquered peoples of their relationship with the Persians as conquerors. The article also examines the Achaemenid ideology of world domination based on their perception of the “imperial political space” under Cyrus the Great and Darius I. The final parts of the article are devoted to the study of the concept of “peace” in the Achaemenid ideology. Attention is drawn to the fact that Cyrus the Great followed the perception of the Peace in Mesopotamia, according to which the Peace was established by the conquerors after their military victories. However, already Darius I perceived Peace as a consequence of maintaining political stability in the Achaemenid Empire as part of his idea of establishing happiness and prosperity for all his numerous subjects.

Keywords: Achaemenid Peace, Persia, empire, ideology, peace

Publication date: 15.03.2023

Citation link:

Rung E. “Achaemenid Peace”: A Historiographical Construct and Achaemenid Imperial Ideology // ISTORIYA. – 2023. – V. 14. – Issue 2 (124).

URL: <https://history.jes.su/s207987840024495-3-1/>. DOI:

10.18254/S207987840024495-3